

Ф.Ф. Вигель

Воспоминания Ф. Ф. Вигеля

Часть 6

УДК 82-3
ББК 84
Ф11

Ф11 **Ф.Ф. Вигель**
Воспоминания Ф. Ф. Вигеля: Часть 6 / Ф.Ф. Вигель – М.: Книга по Требованию, 2021. – 148 с.

ISBN 978-5-518-06243-6

ISBN 978-5-518-06243-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Положеніе семейства моего въ 1820 году походило на то, въ коемъ находилось оно въ послѣдній годъ царствованія Павла, когда всѣ старшіе члены его волею или неволею покинули службу.

Зять мой, генераль Алексѣевъ, командуя корпусомъ на обратномъ пути въ Россію, почувствовалъ, что съ разслабленіемъ тѣлеснымъ онъ лишился и нравственной силы. Онъ забывалъ приказанія имъ отданныя, не помнилъ и часто не понималъ то о чемъ ему представляли; однимъ словомъ, для начальствованія онъ сдѣлался вовсе неспособнымъ. Хорошо еще, что окружающіе его старались скрывать это за границей какъ отъ подчиненныхъ, такъ и отъ иностранцевъ. Ему еще не было пятидесяти лѣтъ, но раны, походы, биваки, и во время ихъ жизнь не всегда воздержная, изнурили его; особенно же послѣ тяжелой болѣзни, перенесенной имъ во Франціи, онъ совершенно одряхлѣлъ. Покой сдѣлался для него жестокою необходимостію, ибо, исключая обязанностей службы, онъ ничѣмъ не умѣлъ заниматься. Всѣ любили его, начиная отъ царя, и оттого оставили ему все содержаніе, аренды, эполеты и даже надежду быть дѣятельно употребленнымъ, чего однако никогда не могло уже случиться. Онъ числился по кавалеріи въ безсрочномъ отпуску и жилъ по большей части въ Москвѣ, гдѣ жена его, на сбереженныя ею отъ огромнаго французскаго содержанія деньги купила ему хорошій деревянный домъ въ Старой Конюшенной.

Братъ мой, Павелъ Филипповичъ, никогда не гонялся за по-

честями. Фортуна, долго къ нему неблагоклонная, съ 1812 года начала ему улыбаться, но онъ уже не довѣрялъ ей. Ему наскучило таскаться по бѣлу свѣту, и онъ о томъ только и думалъ, гдѣ бы поселиться въ мирномъ убѣжищѣ. Онъ подалъ въ отставку, и получивъ ее въ мартѣ 1820 года съ мундиромъ, поселился въ Симбухинѣ.

Что касается до меня, я какъ будто воротился къ прежнему состоянію; числясь на службѣ, жилъ почти безъ дѣла. Была однакоже великая разница: тогда отъ казны не имѣлъ я ни гроша и изъ дому весьма мало, а тутъ, не считая квартиры и отопленія, я получалъ жалованье и прибавку къ нему изъ остаточныхъ суммъ, всего тысячи четыре ассигнаціями; да по случаю урожайныхъ годовъ и мать моя была ко мнѣ отъменно щедра. Первый разъ въ жизни я узналъ сладость синекюры, и она служила мнѣ утѣшеніемъ въ моей неудачѣ. Бетанкуръ не перемѣнялъ со мною обращенія, продолжалъ быть обходителемъ, шутливъ; съ женой и семействомъ его я болѣе сблизился, нерѣдко проводилъ у нихъ вечера и былъ даже въ числѣ немногихъ избранныхъ, приглашенныхъ на свадьбу дочери его Каролины съ господиномъ Эспехо, и видѣлъ какъ въ этотъ самый день послѣ ужина молодые сѣли въ возокъ и отправились прямо въ Нижній-Новгородъ. „Ну, что же, подумалъ, это положеніе пока еще сносно; посмотримъ, что будетъ впередъ.“

А между тѣмъ, пока наше поколѣніе какъ бы склонялось къ западу, восходило новое поколѣніе. Признаюсь, не безъ грусти смотрѣлъ я на то. Впрочемъ, старшій племянникъ мой, Александръ Алексѣевъ, былъ только тринадцатю годами моложе меня. Счастливый этотъ юноша тогда совершенно блаженствовалъ. Изъ артиллеріи онъ перешелъ въ кавалерію, въ конноегерскій короля виртембергскаго полкъ, и мѣнѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса произведенъ былъ въ поручики. Ни къ какому офицеру начальство не было такъ снисходительно; подъ разными предлогами лѣтомъ разѣвжалъ онъ по ярмаркамъ, а зимой веселился въ Москвѣ: она была его раемъ. Его стройный станъ, его ловкость, его смѣлое обхожденіе съ дамами и дѣвицами и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжность его взглядовъ и выражений плѣняли ихъ. На балахъ онъ господствовалъ, самая модная почитала торжествомъ протанцовывать съ нимъ; тогда (чего те-

перь совсѣмъ нѣтъ) въ этой странной Москвѣ, какъ Грибодовъ въ своей комедіи сказалъ, женщины любимому кавалеру ура кричали и вверхъ чепчики бросали; это могло относиться и къ моему Алексѣеву. Меньшой братъ его, Николай, оставался пока въ Царскомъ Селѣ, въ гренадерскомъ полку австрійскаго императора, и, какъ я уже сказалъ, былъ дикъ, угрюмъ, и оттого казался разсудителемъ, чего однакоже вовсе не было.

Возвратясь отъ родныхъ изъ отпуска, въ февралѣ этого же 1820 года, онъ привезъ съ собою отправленнаго ко мнѣ третьяго племянника моего, сына покойнаго брата Николая, Филиппа Николаевича. Мальчику не исполнилось еще пятнадцати лѣтъ, а его хотѣли уже отдать на службу. Его дотолѣ воспитывали и баловали родные его Тулиновы. Онъ младенцемъ былъ отданъ имъ въ видѣ уступки, а, по настоящему, попеченія ихъ о немъ могли почитаться великимъ одолженіемъ для фамиліи, коей сирота этотъ въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться представителемъ и единственнымъ продолжителемъ: кому бы изъ насъ было взять его на руки свои. По стариннымъ понятіямъ матери моей, для него наступило уже время служенія, ей хотѣлось хотя бы передъ смертію видѣть его гвардіи офицеромъ, и потому-то, къ великому прискорбію дѣда и бабушки, онъ былъ оторванъ отъ лона ихъ.

Я осмѣлился воспротивиться волѣ матери моей, представилъ ей какъ опасно мальчику въ эти годы пользоваться свободой, и что если я въ тѣ же лѣта выпущенный на волю не погибъ, то должно зато благодарить Бога; потомъ, не дожидаясь разрѣшенія ея, я отдалъ его доучиваться въ одинъ французскій пансіонъ. Содержатель его, Курнанъ, былъ преемникомъ барона Шабо, который наследовалъ знаменитому аббату Николю, и все въ томъ же домѣ, на Фонтанкѣ, близъ Обухова Моста. По моему мнѣнію, ученіе тамъ было плохое, попрежнему аристократическое: послѣ французской литературы, только уже новѣйшей, главными предметами были танцы и фехтованіе. Смотря по элементарнымъ познаніямъ воспитанника и по краткости срока намъ даннаго, гдѣ уже было намъ думать объ учености. Мнѣ только хотѣлось, чтобъ онъ, немного похожій на маленькаго медвѣжонка, побольше развязался, пріобрѣлъ болѣе навыку и усовершенствовался во всеобщемъ разговорномъ французскомъ языкѣ, и,

наконецъ, чтобы находясь съ молодыми людьми первыхъ фамилій, составилъ бы полезныя связи, и увлеченный въ лучшее общество, избѣгнулъ бы дурнаго.

Наружность онъ имѣлъ не весьма красивую: былъ невеликъ ростомъ, бѣлъ лицомъ, не по лѣтамъ дюжъ и толстъ и отъ излишняго употребленія сластей у него попортились и пожелтѣли зубы, которые очернили послѣ курительный табакъ. Ума у него было довольно, сердце онъ имѣлъ мягкое, нравъ веселый, но вслѣдствіе безпрестанныхъ угожденій цѣлаго семейства сдѣлался чрезвычайно своеволенъ. Я надѣялся, что пансіонъ Курнана сколько-нибудь приучитъ его къ порядку и повиновенію. И вотъ семейная картина, которую я счелъ необходимостію представить читателю.

Въ концѣ мая Бетанкуръ со всѣмъ семействомъ своимъ и со дворомъ, разумѣется кромѣ меня, опять отправился въ Нижній-Новгородъ. Мы разстались какъ нельзя лучше. Предсѣдательство въ строительномъ комитетѣ, безъ всякаго отъ кого-либо на то дозволенія, онъ поручилъ человѣку, который не былъ въ немъ даже членомъ, директору инженернаго института, генералу Сенноверу, что мнѣ было весьма пріятно. Я выучился у Бетанкура поступать иногда самовольно, а съ Сенноверомъ, весьма умнымъ, но чрезъ мѣру шутивымъ Французомъ, я давно уже пересталъ церемониться. Я просто объявилъ ему, что лѣтомъ намѣренъ отдохнуть (отъ чего?—отъ покоя), и для того на Крестовскомъ Островѣ противъ Елагина, въ деревенькѣ, нанялъ чистенькую избу. „И потому,—продолжалъ я,—въ засѣданіяхъ комитета вы рѣдко будете меня видѣть; всѣ нужныя бумаги я передалъ помощнику моему Нодену.“ Онъ ничего не нашелъ возразить противъ этого, какъ будто бы я дѣло сдѣлалъ.

Къ счастью, въ іюнѣ и въ іюлѣ погода стояла прекрасная, изрѣдка перепадали дожди. Петербургскіе острова не были еще тогда связаны между собою мостами какъ нынѣ, слѣдственно не было тѣхъ удобствъ для сообщенія, какія мы имѣемъ. Одинъ Каменный Островъ посредствомъ мостовъ соединялся съ Аптекарскимъ, Крестовскимъ и со Строгоновскою дачей. Елагинъ Островъ былъ мѣсто тонкое, заглохшее, находившееся въ частномъ владѣніи, и только въ этомъ году онъ сдѣлался собственностію казны. Не было на островахъ

обширныхъ увеселительныхъ мѣсть, съ ихъ повседневными великолѣпными праздниками, столь привлекательными, раззорительными и нѣсколько развратительными для недостаточныхъ людей и ихъ семействъ. Только лишь Крестовскій, съ своими двумя трактирами и деревянными горами, богатымъ и бѣднымъ жителямъ, городскимъ и островскимъ, однимъ именемъ своимъ напоминалъ веселіе. Кто на дешевомъ извозчикѣ подъѣзжалъ, кто пѣшкомъ приходилъ къ перевозу на Колтовскую и оттуда за пять копѣекъ мѣдью переносился чрезъ неширокій тутъ невскій рукавъ. Небогатая семейства, составляя небольшія общества, на сдѣланную складчину, нанимали ялики, приплывали къ берегамъ острова или, какъ маленькія флотиліи, окружали западный его уголъ. Богатые, разумѣется, пріѣзжали въ каретахъ и въ коляскахъ. Все лучшее можно было встрѣтить на большомъ гуляньѣ, на открытомъ мѣстѣ близъ перевоза и стараго трактира. Средній классъ шелъ густыми толпами по длинной широкой аллеѣ, ведущей къ новому трактиру и деревенькѣ: дорога была прескверная, песчаная, нерѣдко можно было спотыкаться о высунувшіеся корни деревьевъ; нужды нѣтъ, въ пріятномъ расположеніи духа никто и не хотѣлъ этого замѣтить. Вездѣ было ладно, а въ иныхъ мѣстахъ даже тѣсно. За входъ въ трактиры, гдѣ можно было посмотреть на пляску Нѣмчекъ, никакой платы взимаемо не было: надобно было только спросить что-нибудь попить или поѣсть. Несмотря на то хозяева, обыкновенно Нѣмцы, получали хорошіе барыши и мало-по-малу наживали изрядное состояніе. Вѣкъ преувеличеній еще не наступилъ и трактирщики, какъ теперь, не думали зашибать милліоновъ. Гулякъ было множество, но до буйства какъ-то никогда не доходило, и пристойности было, ну право, гораздо болѣе чѣмъ нынѣ въ иныхъ воксалахъ, посѣщаемыхъ знатными дамами. Такъ было по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, но и въ будни, при хорошей погодѣ, Крестовскій бывалъ чрезвычайно оживленъ и многолюденъ.

Имѣя передъ глазами картину, оживотворяемую безпрестанно шумнымъ весельемъ, послѣ прошлогодняго жестокаго кризиса, съ возвратившимися и все болѣе возвращающимися жизненными силами, съ укрѣпленнымъ здоровьемъ, при постоянномъ блескѣ солнца, среди воздуха упитаннаго балзамическими испареніями елей, мнѣ было хорошо, и время быстро

летѣло для меня. Я много ходилъ, часто купаюся и пріятнымъ образомъ отдыхалъ съ книгой въ рукахъ: болѣе ничего не дѣлалъ. Это веселое житье вдругъ было прервано самымъ непріятнымъ образомъ.

Я получилъ отъ Курнана записку, въ коей извѣщаетъ онъ меня, что племянникъ мой за что-то прогнѣвавшійся, наканунѣ вечеромъ бѣжалъ изъ пансіона даже безъ шляпы, ночью не возвращался, и что нѣтъ о немъ никакого свѣдѣнія. Безпокойство мое часа черезъ два немного прекратилось, когда съ городской квартиры моей пришли мнѣ сказать, что дезертеръ въ ней ночевалъ и остался. Я поспѣшилъ туда: нельзя же было мальчика по шестнадцатому году подвергнуть тѣлесному наказанію, за то на жесткія слова я не поспешилъ. Онъ показался мнѣ раскаявшимся, и я отправился къ Курнану, дабы испросить прощеніе виновному и склонить къ новому его воспріятію; но въ этомъ дѣлѣ не успѣлъ. Полугодовой срокъ къ новой уплатѣ приближался, но онъ никакъ не хотѣлъ ее принять. Въ этой вознѣ провелъ я цѣлый день 3 августа и долженъ былъ ночевать въ городѣ.

На другой день, 4-го по утру, къ несказанной моей радости, пріѣхалъ братъ мой Павелъ Филипповичъ для окончанія какихъ-то прежнихъ дѣлъ и расчетовъ и вывелъ меня изъ величайшаго затрудненія. Ему, яко старшему въ семействѣ, передалъ я дарованную мнѣ власть надъ племянникомъ и всѣ попеченія о немъ. Квартира моя была просторна для меня одного, но для насъ троихъ довольно тѣсновата, кольми паче маленькая дачка моя, куда я не могъ пригласить брата, а рѣшился дней пять-шесть провести съ нимъ въ городѣ. Лишь только, оставя его у себя, я думалъ было опять перебраться на Крестовскій, какъ накопившаяся влажность, цѣлое лѣто чѣмъ-то удерживаемая, проливными дождями изрыпулась съ верху. Черезъ нѣсколько дней бѣда миновалась, небо просіяло, и я опять началъ собираться, но воздухъ отсырѣлъ, охолодѣлъ, и по справкѣ оказалось, что утлое жилище мое окружено грязью и прудообразными лужами. Богатые и знатные скромные пріюты наши на островахъ называютъ гренульерами (лягушечницами), и дѣйствительно осенью они неудобобитаемы. Итакъ, лѣтній сезонъ, какъ говорится, кончился для меня въ началѣ августа. Когда не осталось мнѣ надежды подышать еще загорелымъ воздухомъ, тогда и

братъ мой началъ прискивать себѣ особую квартиру и съ племянникомъ перевхалъ отъ меня въ концѣ этого мѣсяца.

Въ концѣ сентября только г-жа Бетанкуръ возвратилась одна съ дочерьюми; супругъ же ея еще въ августѣ водой изъ Нижняго по Волгѣ отправился въ Казань, Астрахань и оттуда черезъ Кавказъ и Крымъ долженъ былъ поздно воротиться. Я поспѣшилъ съ моимъ высокопочитаніемъ къ Аннѣ Ивановнѣ и былъ немедленно принятъ. Она была очень непривѣтлива; дочери ея казались смущенными и какъ бы затруднялись говорить со мной. Я еще поспѣшнѣе оставилъ ее чѣмъ пришелъ, и вышелъ, могъ сказать какъ Буффлеръ:

Très satisfait d'ajouter
A l'honneur de l'avoir vue,
Le plaisir de la quitter.

Въ ноябрѣ пріѣхалъ и самъ начальникъ мой. Приемъ его былъ немного лучше сдѣланнаго мѣся его супругой: онъ былъ со мною холоденъ и разсѣянъ. Даже шестнадцатилѣтній сынишка его вздумалъ мнѣ снѣсиво кланяться. „Что бы это все значило? спросилъ я у себя. „Вѣрно кто-нибудь, пользуясь продолжительнымъ твоимъ отсутствіемъ, отработалъ тебя“, былъ отвѣтъ: „Да кто же?“ „Да кому же если не одному и тому же человѣку.“ Мнѣ нужно было напередъ обдумать свое положеніе, чтобы приступить къ чему-нибудь рѣшительному.

Въ этомъ году составилось общество на паяхъ, и учредилось у насъ первое заведеніе дилижансовъ. Не было довольно денегъ чтобы соорудить лѣтніе экипажи (зимніе обошлись въ десять разъ дешевле), и потому для первой попытки захотѣли воспользоваться первымъ зимнимъ путемъ, и первое отправленіе назначили 1-го декабря. Всѣ смотрѣли на то съ нѣкоторою недовѣрчивостію, какъ одинъ смѣльчакъ, Французъ, г. Дюпре де-Сень-Моръ, эксъ-депутатъ, эксъ-супрефектъ, который въ Петербургѣ за деньги читалъ чужіе хорошіе и продавалъ собственные свои печатные плохіе стихи, захотѣлъ поощрить насъ своимъ примѣромъ. Съ первымъ поѣздомъ, кажется, онъ одинъ однихонецъ отправился въ Москву.

Я, конечно, не думалъ подражать ему, а еще менѣе служить кому-либо примѣромъ, но и меня захотило прокатиться. Я объяснилъ Бетанкуру, что престарѣлая мать моя, собрав-

шись съ послѣдними силами, еще въ августѣ пріѣхала въ Москву, но что далѣе не въ состояніи будучи ѣхать, тамъ осталась, и что мнѣ желательно было бы для свиданія съ ней отлучиться на 28 дней: онъ нашель, что никакое желаніе не могло быть справедливымъ. Я взялъ мѣсто и 4 декабря поѣхалъ по столь знакомой мнѣ дорогѣ.

Я сидѣлъ въ экипажѣ, который казался тогда затѣйливымъ. Это была низкая кибитка, немного подлиннѣе обыкновенной, но она была прочно сдѣлана, хорошо обтянута кожей и разгорожена на-двое. Лежать было невозможно: четыре человека раздѣленные перегородкой, сидѣли другъ къ другу спиной и смотрѣли двое впередъ, двое назадъ по дорогѣ. Какъ до толѣ зимняя кибитка значила лежанье, то наши мужики, глядя на новое изобрѣтеніе, дилижансы прозвали *нележанцами*. Путьниковъ было у меня всего только двое: старый Нѣмецъ-ремесленникъ съ женою; они сидѣли въ одной изъ двухъ отправленныхъ кибитокъ, а я одинъ въ другой, и оттого мнѣ было раздолье. Я видѣлся съ ними только на станціяхъ и даже обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. Со мною не было слуги; услужливый проворный кондукторъ изъ почтальоновъ замѣнялъ мнѣ его, а на Нѣмцовъ и глядѣть не хотѣлъ, почитая ихъ болѣе поклажей чѣмъ людьми. Снѣгъ выпалъ только-что въ концѣ ноября, дорога была какъ скатерть, почтъ-директору хотѣлось чтобы заведеніе его прославилось и быстротой, и оттого рѣшительно мы не ѣхали, а летѣли. Ямщики, не предвидя какой современемъ будетъ имъ подрывъ, смотрѣли на насъ безъ зависти и досады, и усердствовали въ запряжкѣ лошадей. Въ Завидовѣ возопилъ нашъ Нѣмецъ; онъ, вѣрно, зналъ одну только Саксонскую медленную ѣзду, захворалъ бѣдняжка, и сказавъ: „weiter kann ich nicht“, съ женою остался на станціи. А я, чуть разсвѣтало лишь въ Николинѣ, день, 6 числа, невступно черезъ двое сутокъ по выѣздѣ былъ уже у Тверской заставы. Тутъ случился извозчикъ: я сѣлъ къ нему въ сани съ помощію кондуктора, которому далъ бездѣлицу; чемоданъ свой положилъ себѣ въ ноги и поскакалъ въ Старую Конюшенную, сперва къ сестрѣ своей.

Не предувѣдомленные мои родные тѣмъ болѣе были обрадованы моимъ пріѣздомъ. Хотя у сестры мнѣ было просторнѣе, но я переехалъ къ матери моей, въ небольшой деревянный нанятый ею домъ у дѣвицъ Безсоновыхъ, на Никитской, и

помѣстился въ антресоляхъ, почти на чердакѣ. Эти Безсоновы, Катерина и Анна Федоровны, были довольно пожилыя, весьма почтенныя и набожныя дѣвы, которыя тутъ подлѣ жили богато въ собственномъ каменномъ домѣ. Общество ихъ все составлено было изъ подобныхъ имъ особъ женскаго пола, и его нельзя было назвать веселымъ. Не изъ одного угожденія матери моей, но также изъ благодарности за нѣжную внимательность ихъ къ ней и всевозможныя одолженія, посѣщала я ихъ. У матери моей все было тихо, она рѣдко куда выѣзжала и только въ Божіи храмы и кромѣ дѣтей своихъ мало кого у себя видѣла.

За то, у зятя моего Алексѣева бывало очень шумно, всегда много народа и всякаго народа. Въ праздной жизни, на которую онъ былъ осужденъ, безъ людей всегда ему казалось скучно.

Вообще московская жизнь въ эту зиму напоминала прежнюю ея, старинную, беззаботную, шумную веселость. Какъ въ началѣ двѣнадцатаго года, она мало заботилась о томъ что происходитъ въ Европѣ, и на этотъ разъ я нахожу, что поступала благоразумно. Лѣтомъ, говорили, можно еще было видѣть кой-гдѣ слѣды разрушенія, но тутъ старуха предстала мнѣ въ праздничномъ видѣ; она какъ будто набѣлилась; снѣгъ покрывалъ и изглаживалъ морщины ея и рубцы, нанесенные ей непріятельскимъ вторженіемъ. За годъ передъ тѣмъ скончался военный губернаторъ графъ Торماسовъ; на его мѣсто назначенъ былъ баричъ, вельможа, князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, преблагороднѣйшій и предобрѣйшій человекъ, который успѣлъ поселить къ себѣ уваженіе и любовь. Знатность новаго градоначальника умножала еще радость и веселіе чванныхъ Москвичей.

Я встрѣтилъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ, а новыхъ знакомствъ сдѣлалъ мало. Тутъ находилась Прасковья Юрьевна К—ва съ своимъ вѣчнымъ смѣхомъ; у нея не было друга Финмуша, а все тотъ же шницъ и тотъ же мужъ. * Ее пріѣхала навѣстить дочь ея изъ Варшавы, гдѣ оставила супруга своего на службѣ. По ея предложенію, я сопровождалъ ее и меньшую сестру ея, Любовь, съ мужемъ, на единственный балъ, который я тутъ видѣлъ. Его давалъ Алексѣй Михайловичъ П., съ которымъ въ 1814 году я мимоѣздомъ позна-

---

* Стихи Пушкина въ *Евгеніи Онегинѣ*.

комился. Между многими хорошенькими лицами поразила меня тутъ необыкновенная красота двухъ княжонъ Урусовыхъ, изъ коихъ одна вышла послѣ за графа Пушкина, а другая за князя Радзивила. Тутъ также могъ я полюбоваться танцовальными и волокитными подвигами племянника моего Алексѣева.

Послѣ того г. П. пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Съ его умомъ, ему нельзя было не замѣтить, что духъ вѣка совсѣмъ перемѣнился, однакожь онъ продолжалъ кощунствовать и богохульничать, — я думаю, — болѣе по старой привычкѣ. Супруга его, Елена Григорьевна, какъ замѣтилъ одинъ веселый человѣкъ, любила гнать спиртъ, или, какъ говорятъ Французы, дѣлать умъ и чувствительность; первое было ей изъ чего, а послѣдняго въ ней вовсе не было. Къ тому же она чрезвычайно либеральничала. Чета эта находилась въ постоянномъ возмущеніи противъ власти небной и земной, и какъ мнѣ казалось, болѣе для тона. Все это мнѣ весьма не полюбилось, и я уже къ нимъ болѣе не возвращался.

У Прасковьи Юрьевны я познакомился также съ графиней де-Броглио, урожденною Левашевой, бывшею въ первомъ замужствѣ за братомъ ея, княземъ Трубецкимъ. Эта женщина, подъ именемъ графини Анны Петровны, была долго слишкомъ извѣстна цѣлой Москвѣ..... Это знакомство повело меня къ другому, пріятнѣйшему и любопытнѣйшему.

У нея въ домѣ распорядился, хозяйничалъ одинъ иностранецъ, впрочемъ, у нея не жившій, о которомъ московское общество и понынѣ вспоминаетъ съ сожалѣніемъ. Я не называлъ г. Кристина Французомъ, хотя любезнѣе его, пріятнѣе въ обхожденіи, занимательнѣе въ разговорахъ, я не знавалъ ни одного Француза прежняго времени. Это потому я сдѣлалъ, что онъ родомъ былъ Швейцарецъ, изъ города Ивердена, на прежней французской границѣ. Исторія его заслуживаетъ быть разказанною, хотя вкратцѣ.

Ребачество свое онъ провелъ во Франціи и въ молодыхъ еще лѣтахъ попалъ въ секретари къ извѣстному министру Калонну; онъ видѣлъ начало революціи и вмѣстѣ съ покровителемъ своимъ бѣжалъ отъ нея. Послѣ того въ Кобленцѣ, по его рекомендаціи, употребленъ былъ принцемъ, братьями короля: онъ особенно полюбился графу д'Артуа (Карлу X); переодѣтый, съ тайными порученіями, онъ неоднократно